

ДМИТРИЙ СИМОНОВ

ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Тайна острова Уали

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Дмитрий Симонов

Тайна острова Уали

«ВЕЧЕ»

2012

Симонов Д. К.

Тайна острова Уали / Д. К. Симонов — «ВЕЧЕ», 2012 — (Время героев)

Дочь губернатора Сент-Китса юная графиня Катарина Бедфорд попадает в плен к жестоким пиратам Карибского моря, которые соглашаются сохранить ей жизнь и предоставить свободу только в обмен на тайну рыцарей ордена Святого Иоанна. Жених девушки, Джон Саймон, под чужим именем приезжает в Порт-Рояль, чтобы лицом к лицу встретиться с пиратами и вырвать из их лап свою невесту. Пиратам, попавшим в приготовленную для них ловушку, приходится отпустить пленницу в обмен на карту острова сокровищ. Но Катарина и Джон не знают, что серьезные испытания и невероятные приключения еще ждут их впереди!..

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Симонов

Тайна острова Уали

Часть 1

«Синий якорь»

Глава 1

Побег из таверны «Синий Якорь»

Ночную тишину пререзал леденящий душу крик!

Катарина вздрогнула, всем телом вжавшись в скалу. Позади неё мелькнула чья-то тень. Катарина онемела от ужаса.

Напряженно вслушиваясь в ночную тишину, она пыталась разглядеть, что там. Из-за края скалы, в призрачном свете луны медленно выползал тёмный силуэт. Это был он.

Катарина попыталась сделать шаг, но не смогла, замерев от ужаса. Её всю трясло от страха. За спиной слышалось приглушенное хриплое дыхание.

Вдруг кто-то дернул её за руку, и что-то острое полоснуло ей по горлу. От страха у неё потемнело в глазах и Катарина рухнула наземь, потеряв сознание.

Ямайка, Порт-Рояль, февраль 1691 года

Малиновое Солнце медленно погружалось в океан. Теплый ветерок призывно подпевал многоголосью птичьих трелей. Сердце Катарины бешено колотилось от волнения. От предвкушения предстоящего побега у неё захватывало дух. Она почувствовала вкус свободы. Но хватит ли у нее на это смелости. Сомнения, изорвавшие ее душу, вырвались наружу трусливыми и подленькими мыслями, парализовавшими ее волю.

– А вдруг меня поймают? – Катарина представила возможные последствия и то, что с ней за это могут сделать, и ей стало жутко! Но и оставаться в плену у пиратов было еще страшнее. Неизвестность пугала!

Освобождение из-под стражи, вот о чем мечтала она ночи напролет, обдумывая всевозможные варианты предстоящего побега. С корабля не убежишь, но здесь, на берегу, – совсем другое дело! Свобода была так близка, протяни только руку и возьми. Теперь ей предстояло совершить задуманное.

Пребывая в сладостных грезах, Катарина даже не услышала, как лязгнули засовы, медленно со скрипом открылась дверь и грубый мужской голос произнес:

– На, забирай свою похлебку! Завтра придет Розалинда и заберет миски.

От неожиданности вздрогнув, спешно взяла увесистый жестяной поднос и, поблагодарив своего тюремщика, поставила на стол.

Дождавшись, когда крепко закроют снаружи дверь, она стала спешно собираться, даже не притронувшись к принесенной снеди, хотя «похлебкой» оказались, две аппетитные зажаренные куропатки, дымящиеся на деревянном блюде, ароматная пшеничная лепешка и большая кружка молодого вина!

«Жаркое выглядит привлекательно, но у меня нет на это времени», – подумала она. Зато время нашлось отхлебнуть изрядный глоток вина из глиняной кружки. «За успех предстоящего!»

Катарина долго выбирала все самое практичное, как ей казалось, из изобилия того, что имелось в её гардеробе.

Надев свое любимое легкое и прочное, не стесняющее движений платье из голубого ситца, повязала на пояс широкую ленту серебристого бархата. На голову чепец, перевязанный атласной лентой сиреневого цвета, тонкие пепельно-серые шерстяные чулочки и высокие, изящно облегающие щиколотку, замшевые ботинки на невысоком каблуке. На плечи она накинула дорожный сюртук из голубого бархата. Тщательно осмотрев себя в зеркало, Катарина улыбнулась.

– Ну, наконец-то!

Не прошло и часа, а она уже была готова.

– Что ж, неплохо! А я довольно миленькая, – девушка подмигнула в зеркало своему отражению, она себе безумно нравилась.

– Ах да! Перчатки, – сконфузилась Катарина, – это же самое главное! Как я могла забыть! Мне же лезть по веревке, и я могу поранить свои нежные ручки. – Вот эти, серой замши, пожалуй, подойдут к моему туалету. – Юная кокетка метнула молниеносный придиричивый взгляд в зеркало. – М-да, нет, лучше голубые! Да-да, то, что надо!

Она подошла к окну. Малиновый закат, безумно красивый, но раздражающий ее своей медлительностью, потонул в океане, оставив лишь красный шлейф на горизонте и малиновую дымку по ту сторону залива.

– Ну, наконец-то! Пора! – сердце трепетно забилося в груди.

Катарина подошла к окну и тихонько потянула на себя ставень. Он не поддавался, пришлось дернуть сильнее. Рассохшееся старое деревянное окно, поддавшись с большим трудом, предательски заскрипело. За дверью послышались шаги и хриплая приглушенная брань. Затем раздался громкий стук в дверь.

– Эй, красotka! Ты здесь? – раздался грубый окрик.

Послышался лязг засова. Она отпрянула от окна и замерла не шевелясь, затаив дыхание. Это был провал. Если они увидят, что она одета, а окно открыто, то поймут все! Катарина спешно задула горящую свечу, освещавшую комнату.

– Что?.. Что вам надо? Я уже сплю, – ответила Катарина нарочито сонным голосом.

– Ладно! Проверь засовы, Билли! – прозвучал раздраженный визгливый голос. – И пойдем вниз!

Заскрипела винтовая лестница. Шаги удалялись.

– Значит, они спускаются. Хвала Всевышнему, на сей раз пронесло. Что же будет дальше?

Когда за дверью все стихло Катарина перекрестилась.

А надо вам сказать, что комнаты в таверне «Синий якорь» делились на «чистые», для господ, располагавшиеся на втором этаже, в которых обычно селились приезжие плантаторы, чиновники и морские офицеры. В них довольно регулярно, примерно эдак раз в неделю заходила служанка, Розалинда, толстая и неуклюжая девица, вроде как прибрать и протереть пыль, хотя после ее ухода чистоты вовсе не прибавлялось, а может быть, даже и наоборот. В одной из этих комнат-то и пребывала в заточении Катарина. Другие же, более дешевые, «черные» комнаты, те, которые располагались внизу, на первом этаже, давали приют простым морякам, рыбакам и пиратам.

В общей комнате, довольно вместительной и даже, можно сказать, уютной, ибо там в сырые осенние вечера разжигали камин, гостям подавалась выпивка, дешевая, но зато весьма обильная, клубился табачный дым, было шумно и весело. Временами, правда, становилось довольно опасно, ибо не в меру подгулявшие постояльцы, горады на разные выдумки, творили черт знает что! Неприятательные нравы семнадцатого века допускали многое!

Катарина долго еще стояла в темноте, напряженно вслушивалась. Цикады за окном в ночи стрекотали на все лады, словно призывая её:

– Катарина, смелее!

– В добрый путь, – подбодрила она себя шепотом, открывая вторую половин у окна. На нее пахнуло свежим морским воздухом. Воздухом свободы. Катарина перегнулась через подоконник и в ужасе отшатнулась. Высота была не менее тридцати футов. А внизу острые скалы, скрытые морской пеной и обнажающие свои клыки во время отлива.

Но это был ее шанс. Один-единственный шанс, упустить который она не могла. Не имела права. Промедление для нее было смерти подобно. Если она задержится в этой грязной, вонючей таверне, где ее удерживали силой, еще хоть на одну ночь, то ее жизни угрожает неминуемая опасность. «Синий якорь», гостеприимно распахнувший свои двери и особенно свои погреба с обилием запасов спиртного, и давал Катарине этот шанс!

«Бежать, немедленно! Сию же минуту! Сейчас!» – думала она. «К тому же я уже одета. Не раздеваться же!»

Катарина, разорвав ветхие простыни, связала их крупными узлами и, привязав к спинке кровати, стоявшей у окна, выбросила наружу. Подергав их для пушей убедительности, удостоверилась, что достаточно прочно. Выглянув в окно, она увидела, что не хватало десяти футов, но она не придала этому значения и, как выяснилось потом, поступила весьма неосмотрительно!

– Придется прыгать, – подумала она, – ничего, невысоко, – решила она, садясь на подоконник и перебрасывая ноги через окно.

Крепко вцепившись в простыни, она начала осторожно спускаться. Уже было добралась она до окна первого этажа, как раздался подозрительный треск. Простыни поползли!

– Мама! – чувствуя, что сейчас завизжит от страха, прошептала девушка, внутренне напрягаясь от страха сорваться вниз.

В окне первого этажа, вдоль которого она спускалась, горел свет. Моряки, смакуя ром, усталились в угол у камина, где явно разгоралась очередная пьяная ссора. Драки, запрещенные на корабле, вызывали у любопытных пиратов большой интерес, всем хотелось увидеть такое захватывающее и интересное зрелище. Катарине это было на руку. Она прыгнула, но, больно вывихнув ногу, не смогла сдержать крик от боли.

Один из моряков, вероятно, услышав ее стоны, приложил руку к окну, напряженно вглядываясь в ночную темень. Это был очень красивый юноша лет восемнадцати или немногим более. Острый, как лезвие кинжала, взгляд полоснул по лицу девушки.

– Раньше надо было глядеть! Там, на корабле, теперь-то что плячиться. – Лежа под окном, в двух футах от него, с раздражением подумала Катарина, затаив дыхание. – А сейчас в эту ночь – гляди не гляди, – все равно ничегошеньки не увидишь.

Молодой человек, вглядываясь в ночную темень, казалось, уставился прямо на Катарину, но ее он не видел. Красавец с темными волосами и пронзительными голубыми глазами – глазами, которые так много обещали, давно уже привлек ее внимание. В отличие от других он был всегда галантен и обходителен, но, казалось, избегал общения с ней.

Несколько мгновений девушка как зачарованная смотрела на него, не в силах отвести взгляда, потом отвернулась и закрыла глаза. Но то, что она увидела в комнате потом, ошарашило ее не на шутку.

Того, кого она там увидела Катарина, меньше всего ожидала встретить за одним столом с ее тюремщиками. Катарине сделалось не по себе.

«Да нет же, такого не может быть, мне показалась» – подумала она, вглядываясь сквозь грязное стекло. За одним столом с капитаном пиратов, с кровавым убийцей Стивеном Реттом сидел как ни в чем не бывало ее старый и верный слуга Стефан Уизли!

– Как он мог! Стефан, служивший еще у ее деда, Стефан, нянчивший ее с пеленок! Ведет непринужденную беседу с Реттом, что-то показывает ему на карте, заискивающе любезничает

с ним и пьет вино! Такого вероломства она от него не ожидала. Из горла Катарины непроизвольно раздался протяжный стон.

– Джон, что там? – последовал грубый окрик.

– Ничего не видно, сэр! Возможно, ночная птица.

– В это окно, закопченное и грязное и немытое с того момента, когда построили этот хлев, и днем-то разглядеть что-либо практически невозможно, а уж в такую ночь!

Это была чистая правда, стекла в окнах становились чистыми только в одном случае – когда их разбивали. Правда, разбивали их с завидной регулярностью. Но загрязнялись они гораздо быстрее.

– А ну выгляни за дверь и пристрели мерзавца, который подслушивает нас, а потом поди-ка проверь, как там наша пленница.

– Джон, значит. А он ничего. – Катарина осторожно, превозмогая боль, отползала от окна в ночную темень, – Пока он дойдет до моей комнаты и поймет, в чем дело, я буду уже далеко.

За окном слышались крики, шум и отвратительная брань, хуже которой могла быть только старинная мелодичная песня, которую очень старательно горланили пьяные пираты.

Оказавшись на берегу, они беспечно тратили награбленное в местных тавернах и портовых притонах, одним из которых был «Синий якорь», прикладывая невероятные усилия к тому, чтобы промотать за пару недель все, что они получили в результате длительных плаваний. В Порт-Рояле для этого было выстроено огромное количество питейных заведений. Сошедшие на берег моряки, переходя нетвердой походкой от одного заведения к другому, оставляя в каждом из них кровно заработанные денежки, скудные остатки их тратили на путающихся под ногами настырных и вороватых проституток, повсюду предлагавших свои услуги. Такого не встречалась ни в одном городе мира. Губернатор Ямайки Томас Модифорд, правда, построил несколько церквей. Католический костел, лютеранский храм и даже синагогу! «На любой вкус, чтобы люди заходили», – говорил он. Но все они пустовали.

Томас Модифорд, который, будучи назначен губернатором в 1664 году, прибыв в Порт-Рояль, поначалу было принялся истово искоренять пьянство, объявив даже сухой закон. Но пираты, наплевав на все правила и законы кроме своих собственных, пить стали еще больше. И, поняв, что его старания тщетны, Модифорд прекратил свои начинания. В донесении королю Чарльзу II он писал: «Первое время я интересовался, почему в городе такая высокая смертность. Когда же я узнал, сколько здесь пьют спиртного, я был удивлен, что здесь вообще еще есть живые люди».

А надо сказать, форт Порт-Рояль был построен в 1657 году на Ямайке, третьем по размеру острове Карибского моря, прежде всего как портовый город и как форпост борьбы с испанцами. Сам остров поражал своим величием и буйством красок и будоражил воображение каждого видевшего его. Горы, покрытые серой дымкой, разрезали остров с востока на запад. Самый высокий из них Голубой Пик, достигавший полуторакилометровой высоты, был окружен равнинами, через которые протекало множество рек. На юго-западе острова располагалось Большое Болото, северную и восточную часть острова занимали непролазные джунгли.

Таков был этот город!

Но мы отвлеклись, что же стало с нашей пленницей, юной графиней Бедфорд?

Ее отсутствие, как и следовало того ожидать, довольно быстро обнаружили, и теперь орава пьяных негодяев с криками и неприличной бранью, которую мы здесь не будем упоминать, неслась за ней по пятам, преследуя ее.

Катарина хромая и спотыкаясь, бежала по тропе вниз. Позади слышались громкие шаги и чье-то хриплое дыхание. Девушка занервничала и ускорила шаг. Вдруг она зацепилась ногой за камень, споткнулась и кубарем полетела вниз по склону.

– О, Господи, как страшно!

Катарина до крови разодрала о камни локти, а противные колючки глубоко впились в руку, поранив её нежную кожу. Боже, как же ей было больно! Крик ужаса застыл в горле! От страха, что её заметят или, что хуже, разобьется о прибрежные скалы, она окаменела.

Она посмотрела вниз на серебящуюся в лунном сиянии кромку воды, ощерившуюся на нее острыми клыками прибрежных скал, издававших негромкое рычание, и ей стало дурно. У неё закружилась голова. Страх раздирает грудь, переполненную чувством досады.

– Пресвятая Дева, помоги мне! – прошептала она.

Преследователи же её, увлекшись погоней, ничего не заметили. Они так громко топали своими грубыми матросскими башмаками, шурша щебнем по каменистой осыпи, что не слышали шума, стонов и всхлипываний у себя под ногами.

Ночную тишину прорезал леденящий душу крик!

Катарина вздрогнула, всем телом вжавшись в скалу. Позади неё мелькнула чья-то тень. Катарина онемела от ужаса.

Напряженно вслушиваясь в ночную тишину, она пыталась разглядеть, что там. Из-за края скалы в призрачном свете луны медленно выползал огромный тёмный силуэт. Кто-то двигался там, в темноте, и двигался в её сторону! Что это, разобрать было невозможно. Кто-то приближался к ней. Это было...

Катарина попыталась сделать шаг, но не смогла, замерев от ужаса. Холодок пробежал по лопаткам, потом по низу живота. Её всю трясло от страха. За спиной слышалось приглушенное хриплое дыхание. Боясь выдать себя неожиданным движением или звуком, она замерла на месте, напряженно вглядываясь в нависающую над бурлящим морем тьму. Бедная девушка дрожала всем телом, напряженно вслушивалась, пытаясь уловить ночные шорохи и звуки: ужасающий хруст камней под ногами, чьи-то шаги в крошечной тьме. Леденящий душу ужас, пробирал до костей.

Вдруг кто-то дернул её за руку, цепкая рука схватила ее за волосы и что-то острое полоснуло ей по горлу. От страха у неё потемнело в глазах ее тело неожиданно обмякло и Катарина рухнула наземь, потеряв сознание.

Звонкий детский смех вывел задремавшую на берегу Катарину из забытья. Она лежала на спине, подставив лицо жарким солнечным лучам и ощущая под пальцами босых ног необыкновенно мягкий нагретый песок. Услышав голоса, она невольно вздрогнула. О Господи, только этого не хватало! Она думала, что никто не знал об этом удаленном от города пляже, на который она неделю глядела из окна, мечтая очутиться на нем. Вот почему она и пришла сюда, после своего ночного приключения, желая побыть в одиночестве и восстановить физические и душевные силы. Она была полностью уверена, что здесь её никто не найдет. И вот опять! Ей не выдержать сейчас ни малейшего волнения, в особенности такого, которое вновь вернет ее в прошлое. Приподнявшись на локте, она заслонила от солнца глаза.

У воды, ярдах в тридцати, между вывешенных сушиться рыбацких сетей, играли дети. Мальчик лет десяти и девочка лет семи-восьми. Приподнявшись на локте, Катарина заслонила от солнца глаза. Несколько мгновений она как зачарованная, не в силах отвести взгляда, смотрела на них, выглядывая из-за плотного кустарника, надежно скрывавшего её от постороннего взора, потом отвернулась и закрыла глаза, собираясь с мыслями.

Шесть долгих месяцев Катарина провела в путешествиях через Атлантику, в обществе четырех дюжин головорезов, и теперь чувствовала себя совершенно измученной. Ей не выдержать сейчас ни малейшего волнения, в особенности такого, которое вновь вернет ее в прошлое, в то прошлое, которое она потеряла и к которому она стремилась всеми силами.

Перед ее мысленным взором предстала другая девочка, девочка на портрете. Ровесница этой, но черты лица которой расплывались в памяти, она цеплялась за них, но они ускользали.

Эльза, так звали эту девочку. Неудивительно, ведь когда Катарина впервые увидела ее портрет в гостиной замка Гриффитов, ей самой-то было почти столько же лет. И портрет привлек ее внимание не столько мастерством художника и красотой маленькой графини, а скорее тем, что у девочки на портрете на правой руке был перстень с большим бриллиантом. Катарина вспомнила, как нелепо это выглядело, и усмехнулась. Бриллиант, так нелепо смотревшийся на маленькой девочке, на ее руке выглядел бы вполне уместно. Сколько загадочных, а порой трагичных историй было связано с этим перстнем. Историй, о которых любил рассказывать ей старый сэр Гриффит. Ее дед.

Глава 2

Милый лжец

- *Вы продаете меня за десять серебряников? Какая низость! Я дам вам больше!*
– *Что же вы можете мне предложить?*

Зашуршавшая сзади осыпь заставила ее вздрогнуть и обернуться. Перед ней стоял высокий молодой человек.

Джон, чье имя она подслушала накануне, сразу поразил ее воображение, сразу, как только предстал перед ней. Юноша, почти мальчик, казалось, немногим старше ее, но от этого он не был менее опытен. Никогда она не видела мужчины желаннее этого. Гордое и по-мужски привлекательное лицо с волевым подбородком и неожиданно – чувственным ртом, уголки которого кривились в еле заметной циничной усмешке, но которая не портила его, а придавала неизъяснимый шарм.

Джон Саймон, приветливо улыбаясь, подавал ей руку.

– О, мадемуазель, наконец-то вы пришли в себя! Позвольте, я помогу вам подняться.

Казалось, просто невозможно быть таким красивым. Впрочем, ее собственный опыт общения с молодыми людьми был настолько небогат, насколько и неудачен. С другой стороны, дьявольски зажигательные глаза этого прекрасного юноши, пожалуй, свидетельствовали о том, что в его нежные годы он уже умеет доставить женщине истинное удовольствие.

– Пойдемте, графиня, сделайте милость, нас уже ждут. Я был бы вам очень признателен, если вы избавите меня от необходимости просить вас об этом на коленях.

– Ах, оставьте при себе свою галантность. Я и с места не сдвинусь! Я вывихнула ногу, изодрала в клочья платье, разодрала в кровь руки, и вдобавок поцарапала лицо и шею.

– Право же, графиня, мне искренне жаль. Вся команда с раннего утра рыщет по всему побережью в надежде отыскать вас. Тому, кто найдет вас, капитан объявил награду – десять ливров. Позвольте, мадемуазель, я помогу вам подняться.

– Вы продаете меня за десять серебряников? Какая низость! Я дам вам больше!

– Что же вы можете мне предложить? – юнец огляделся, улыбаясь. Вокруг плотный кустарник, через который не продерешься, и они совершенно одни. Он сделал шаг к Катарине. И...

Она оттолкнула его в гневе:

– Негодай, как вы могли подумать такое.

– Миледи, вы напрасно опасаетесь меня, уверяю вас, вы глубоко заблуждаетесь. Вы мне совершенно несимпатичны. Уверяю вас, вы абсолютно не в моем вкусе.

– Что это значит, сударь? Это почему же? – спросила она, наклоня голову в сторону. – А если бы не была так груба, как вы?

– Нет, хотя вы и милашка.

– Не зовите меня милашка!

– Почему бы и нет?

– Слишком вульгарно!

– Извините, мисс, – выпалил Джон, испугавшись, что Катарина вот-вот взорвется от гнева. От взбалмошной девицы можно было всего ожидать, а провоцировать ссору он не собирался, вдруг она набросится на него, а уж тогда-то, в припадке ярости, он запросто мог причинить ей боль.

– Ну и как же прикажете вас называть? – обратился он к девушке.

– Как? – девушка с явным пренебрежением, эдак свысока, посмотрела в сторону молодого пирата. – Можете звать меня просто Ваша светлость, я же все-таки графиня!

– А не много ли ты хочешь?

Она отвернулась и презрительно фыркнула.

Он наклонился и грубо схватил ее за руку. В ужасе, отдернув ее, девушка воскликнула, вскакивая:

– Мерзкое животное!

Взмахнула рукой и сильно ударила молодого красавца по загорелому лицу.

Перехватив руку, он крепко сжал ее, притянув девушку к себе. Они застыли буквально нос к носу. Джон изо всех сил пытался успокоиться. Он не хотел причинять этой юной чертовке боль, однако в голове у него помутилось. Он держал девушку за обе руки, наклонившись к ней настолько близко, словно собирался поцеловать. Она попыталась было отодвинуться от него, но получилось наоборот: она прильнула к нему всем телом. На него пахло морской свежестью и ароматом прелестного женского тела, которое стало вдруг мягким и податливым, а его же наоборот, жестким и непреклонным. Разъяренная тигрица в его руках вдруг превратилась в ласкового котенка, мурлыкающего от удовольствия.

Именно эта грубая суровая мужская ласка сломила сопротивление девушки. Катарина разрыдалась прямо у него на груди. Громко всхлипывая, она извинялась за свое недостойное поведение.

Джон терпеливо ждал, пока девушка успокоится.

Наконец Катарина, придя в себя, собралась с мыслями и, подумав с минуту, сказала:

– Я вас прошу помочь мне, помочь обрести свободу. Вы поможете мне? Вот! Берите!

Катарина подняла правую руку. На среднем пальце был перстень с большим бриллиантом. Алмазный блеск его слепил глаза! Такого великолепного камня Джону не доводилось видеть доселе!

– Хорошо, я помогу вам, – улыбнулся он. – Давайте. Я не подведу вас, вы можете на меня положиться и полностью довериться мне. Я помогу вам обрести свободу.

Перстень с руки Катарина перекинул в извлеченный из кармана кожаный кошель, в который он поместил перстень. Надежно затянув кожаный ремешок, Джон повесил его на шею.

– Здесь он будет в полной безопасности, так что не волнуйтесь за его судьбу. Подумайте лучше о себе! И прощайте! – пробормотал Джон, продираясь через кустарник.

– О Господи, благодарю тебя за чудесное избавление! – Катарина вспомнила слова деда: «Алмаз Джоконды даст тебе свободу» – воистину пророческие слова. Катарина с трудом соображала, что же ей делать дальше. Порт-Рояль – место, в котором она была чужой. Место ее позора. Здесь она была пленницей.

Теперь она обрела свободу, но как ей воспользоваться? Она оказалась в весьма затруднительном положении. Она одна, у нее нет денег даже купить себе еды. Чем она может расплатиться за ломоть хлеба и миску супа? – О нет! Только не это! Это омерзительно! Только сейчас Катарина оценила весь ужас своего положения. Но назад дорога ей заказана! Катарина впала в забытие. Сначала до его слуха доносился только ритмичный шум набегающих волн, далеко внизу, и шелест листвы величественных сосен и кипарисов, которых так много в окрестностях Порт-Рояля, но постепенно ее внимание привлекли звуки совсем иного рода. То приближающиеся, то удаляющиеся. Из состояния забытия ее вывел громкий шум в кустах.

Внезапно она услышала чьи-то голоса. Но ее внимание привлекал лишь один. Он выделялся из хора голосов. Это был Его голос. Голос человека, которому она так наивно доверилась. Голос, который она ненавидела! Голос предателя. Голос, который заставил ее вздрогнуть!

– Вы здесь, мадемуазель?

Катарина сидела, затаив дыхание, сжавшись в комок.

Да, негодяй действительно дьявольски хорош собой! Будучи выше своих товарищей, подошедших следом, и шире в плечах, он приковывал женские взгляды еще и своими ясными голубыми глазами, и волосами черными, как южная ночь. Отпечатки породистых, благородных

кровей чувствовались в этом теле. «Но как он мог пойти на такую низость. Они же обо всем договорились!» – думала обманутая девушка.

Легкий ветерок с моря, отливавшего синевой далеко внизу, шевелил черные как смоль волосы юнга Джона. Негодяя и предателя, неожиданно представшего перед ней.

– Вы подлец, сударь! Вы вероломно обманули и предали меня.

– Нет, я вас ни на йоту не обманул! Я ничего и не обещал.

– Негодай! – вскричала она. – Вы дали мне обещание, что поможете мне! Вы дали мне слово!

– Я солгал.

Она едва не задохнулась от накатившейся на нее ярости.

– У меня просто нет слов от возмущения! Человек чести никогда с такой легкостью не откажется от слова, данного им женщине! Вы покрыли свое имя навеки несмываемым позором!

– Графиня, – возразил он, – да ведь я и не говорил вам, что являюсь человеком чести.

Она вспомнила, что такого он и вправду не говорил. В глазах ее полыхало адское пламя. Юноша страшно разозлил ее. Она схватила его за руки, подалась вперед и прошипела:

– Я слышала, что вы негодяй, достойный виселицы, никогда ни за что не попытаюсь спасти вас от этого!

– Но тогда я спасу вас, я обязан это сделать! Разве нет? – И он хитро подмигнул обманутой им девушке.

– Вы действительно заслужили виселицу, – выпалила она. – Так ловко меня одурачить! А по виду не скажешь, что вы негодяй и лжец!

– Но ведь я – пират, графиня, – произнес он с усмешкой. – А пираты как раз и славны этим. Все мы лживые и коварные мерзавцы.

Раздался зловещий хохот страшного бородача, от которого Катарине сделалось нехорошо.

– Джон, а это ведь и впрямь бесчестно. Взять у женщины деньги и обмануть ее, – с ехидной усмешкой заметил бородатый пират, похлопав Джона по плечу, а потом громко расхохотавшись. – Да нет же, очень даже честно! – не унимался он. – То, что женщина сама хочет, она и получает!

– Не судите так категорично, миледи, я обещал помочь вам, я и помогаю, я пытаюсь спасти вас. Вы это поймете позднее. На корабле вы в относительной безопасности. А здесь, в этом зловещем городе, полном низости и пороков, вы обречены на неминуемую гибель!

– Я вас не понимаю! – в гневе бросила Катарина.

– Пойдемте, графиня, не заставляйте нас применять грубую силу, – вмешался в разговор подошедший боцман Том Брэдли. Крупный с одутловатым красным лицом и мясистым носом крепыш, уроженец Новой Англии. – Мы поможем вам добраться до берега, бот уже спущен на воду, и мы отправляемся на корабль! Море ждет нас!

Ей ничего не оставалось делать, как подчиниться. С помощью моряков Катарина кое-как доковыляла до лодки.

– Ай да юнга! Молодец, Малыш! Награду заслужил по праву! Получишь у казначея – Рея Морриса, – обрадовался капитан!

– А ты, мерзавка, – обратился он к Катарине. – За свой проступок заслуживаешь смерти. И если бы ты не была знатной особой, за которую можно получить солидный выкуп, я бы зарубил тебя прямо здесь, на берегу.

У девушки на глазах выступили слезы, но не из-за того, что ей было страшно. Нет. Ей было горько и обидно. Ее побег сорвался, окончился неудачей, позором и провалом, и удастся ли ей это снова? Ей было стыдно за себя, за свою неловкость и неприспособленность к жизни.

Капитан, заметив ее покрасневшие глаза, продолжал:

– Но я великодушен. Я тебя прощаю. Ты нужна мне живой и невредимой. Полезай в шлюпку!

Пока шлюпка шла к кораблю, девушка вспоминала то, что произошло с ней за последние месяцы, то, как она из наследницы знатного рода превратилась в пленницу этого негодяя.

А дело обстояло вот как!

Глава 3

На абордаж!

Две дюжины вооруженных до зубов полуголых головорезов, вымазавшись ружейным маслом и сажей из пушек для устрашения противника, оттого походившие то ли на чертей, то ли на кочегаров, с криками и руганью вскарабкались на бизань-мачту и ринулись оттуда вниз на палубу «Серебряного лебедя».

В начале августа 1689 года, после того как отзвенели пополудни вторые склянки, барк «Серебряный лебедь» покинул бухту Бристоля и взял курс на Лиссабон, чтобы оттуда уже уйти к берегам Новой Англии.

Четвертый день приятного путешествия был уже на исходе. Плавно колтыхаясь на волнах, подгоняемый мягким летним ветерком, барк «Серебряный лебедь» шел согласно намеченному курсу, когда внезапно убаюкивающую тишину пререзал резкий окрик вахтенного матроса:

– Сэр! – закричал он. – Слева по борту корабль!

Катарина оглянулась. И действительно, врезаясь низко посаженным бушпритом в набегające волны, прямо на них на всех парусах шел приземистый корабль с темными парусами.

Рулевой не сделал ни малейшей попытки уклониться от встречи с небольшим темным судном, встретившимся на его пути, а прямо двигался на него, видимо, небольшой люггер не внушал ему никаких опасений. Но, когда на клотике грот-мачты появился красный флаг, все поняли – это пиратский корабль.

– Дело дрянь, – прошипел капитан. – Если они не свернут, не сносить нам головы! Уйти от их легкого и быстроходного люггера нам не удастся.

Тяжело груженное торговое судно шло на пиратский корабль так смело, что на мгновение пираты, уже бросившиеся подносить запалы к пушкам, чтобы дать предупредительный залп, решили, что их застиг врасплох замаскированный под торговое судно военный фрегат.

– Капитан, они хотят протаранить нас, это военный корабль, – заверещали испуганные пираты. – Надо сваливать на другой галс!

Капитан Ретт долго разглядывал в подзорную трубу шедший на них корабль. Но невооруженные, без пушечных портов, борта, какие обычно бывают на торговых судах, успокоили Ретта. Это было действительно обычное торговое судно.

– Презренные трусы, присмотритесь повнимательнее, и увидите, что это купец! Скотт, готовь абордажную команду! Лево на борт!

Люггер, совершив изящный маневр, приблизился к барку, встав на попутный курс, чтобы постепенно подойти к нему на необходимое для атаки расстояние. До него оставалось не более тридцати ярдов, когда барк «Серебряный лебедь», шедший крутым бейдевиндом, параллельно, но чуть позади, стал забирать вправо, чтобы поменять галс и постараться уйти от пирата.

Шкипер Уилсон, наблюдая в подзорную трубу за работой экипажа преследуемого судна и видя, как на уходящем судне перетягивают стаксель на правую сторону и выстраивают кливер, закричал громким голосом:

– Ретт, они пытаются «привестись к ветру», а затем попытаются уйти на оверштаг и тогда, если они уйдут на левый галс, мы их не догоним, открывай огонь!

Тем временем пираты заняли свои места согласно боевому расписанию. Одни спешно начинали брасовать паруса на другой галс, чтобы вовремя успеть вынести их на ветер, другие натягивали над шкафутом гигантскую, похожую на рыболовную, веревочную сеть, сплетенную из толстых джутовых канатов. Это для защиты от падающих обломков мачт, рей и прочих

элементов рангоута в случае столкновения или вражеской атаки, а также как дополнительная помощь абордажной команде, чтобы легче вскарабкаться на мачты.

– С ядром, бранлругелем, гранатой! Заряжай! – заорал Ретт, подойдя к одному из орудий и взяв в руку пальник с тлеющим фитилем. Он всегда любил ввязываться в бой самостоятельно, и если не мог из-за своей ноги вскарабкаться на рею и сигануть вниз, то продырявить вражеский корабль метким выстрелом было ему вполне по силам!

Артиллерийское орудие, расчет которого состоял из шести человек, заряжалось следующим образом. Первый левый помощник закладывал в ствол унитарный заряд с ядром или гранатой, как приказывал ему канонир, первый правый прибавал его двумя ударами деревянного прибойника, насаженного на длинное древко. Второй левый помощник прокалывал картуз и вставлял скоропальную трубку, либо насыпал в запальное отверстие пороховую мякоть для воспламенения заряда, второй правый раздувал фитильный пальник, а в этот момент правый и левый канониры наводили орудие на цель.

– Готово! – отрапортовал старший канонир Мелтон Уоррен, осмотрев зорким взглядом батарею. Возле каждого орудия стоял артиллерист, подняв левую руку. Это означало, что орудие заряжено и готово к выстрелу. Вторые левые помощники прикрывали запальное отверстие выгнутой свинцовой пластиной, а ежели таковой не имелось, то просто ладонью, чтобы защитить от ветра и летящих со всех сторон водяных брызг.

– Раздуть фитиль! Фе! – скомандовал Ретт, поднося тлеющий пальник к своему орудию и поджигая порох, насыпанный горкой над запальным отверстием.

– Орудия правого борта, пли! – продублировал команду Мелтон Уоррен.

Огненный столб, вырвавшийся из запального отверстия на высоту трех футов, слегка опалил золотое шитье по краям треуголки Ретта. Раздавшемся в тишине грохоту пушечного выстрела вторил залп всей батареи, а из каждого ствола вырывался вверх огненный шлейф!

Получив серьезные повреждения рангоута и такелажа, атакуемый барк не смог совершить намеченный маневр и заметно сбавил скорость.

– На абордаж! – рявкнул Ретт. – Не оставлять никого в живых!

Командовал абордажной командой, как было принято у пиратов, квартирмейстер Лайонел Скотт.

– Нас ждет богатая добыча! Вино и женщины, дублоны и пиастры, а если повезет, то и бочонки с ромом! – воскликнул он, поднимая вверх свою зазубренную абордажную саблю. Окидывая пиратов колючим взглядом, завопил победным возгласом: – Вперед, ребята!

Две дюжины вооруженных до зубов полуголых головорезов, вымазавшись ружейным маслом и сажей из пушек для устрашения противника, оттого походившие то ли на чертей, с черными рожами, то ли на кочегаров, закончивших смену и не успевших вымыться, с криками и руганью вскарабкались на бизань-мачту люггера, чтобы ринуться оттуда вниз на палубу «Серебряного лебедя».

В сторону поверженного судна полетели десятки абордажных крючьев, цепляясь за реи, ванты и штаги. Пираты, уцепившись за длинные веревки, привязанные к крючьям, подобные стае визжащих мартышек, перелетали на атакуемый корабль.

Стороннему наблюдателю взятие судна на абордаж могло показаться забавной игрой, но это было не так!

Пираты при подобных атаках получали значительные увечья. Некоторые, не попадавшие в объятия мягких парусов, разбивались о мачты и реи. А случались и падения в воду, откуда выбраться было не всегда просто, а зачастую и невозможно. В воде подстерегали другие опасности!

Поэтому в абордажную команду подбирали наиболее молодых и ловких, но в то же время опытных пиратов, толстые же и неуклюжие, но могучие и сильные увальни оставались на борту своего судна. Они также кидали свои абордажные крюки, напоминая маленькие якоря,

и, зацепивши их за борта, подтягивали вражеское судно, либо же свое, если оно оказывалось легче.

Пятерых матросов и помощника капитана, которые несли вечернюю вахту, зарубили прямо на палубе; капитан Ретт выстрелом из пистолета тяжело ранил в грудь находившегося на квартердеке капитана барка, а Пит Ренсен, пират из абордажной команды, поднявший свою тяжелую саблю, чтобы заколоть раненого моряка, споткнулся о его ногу и, падая, напоролся на его кортик и затем был выпихнут за борт. Но силы были не равны, и прежде чем команда барка успела понять, в чем дело, чтобы подняться из кубрика на палубу и, вооружившись, дать отпор захватчикам, «Серебряный лебедь» оказался в руках неприятеля.

Пока одни пираты лениво выводили пленников на палубу, другие с вожделием предавались своему излюбленному занятию, тому, ради которого и был захвачен корабль, – грабежу. Они, как голодные волки, рыскали по кораблю в поисках добычи, вытаскивая из кают и трюмов и сваливая на палубу все мало-мальски полезное и ценное, что попадалось под руку. Хотя определение полезности и ценности добычи было на редкость предвзятым! Старинную картину кисти великого итальянского мастера они вполне могли сбросить за борт или изрубить саблями, а с дешевой безделушкой, пришедшейся им по душе, могли долго возиться и восхищаться ею!

Квартирмейстер Лайонел Скотт тщательно осматривал награбленное и передавал на борт «Кортеги» наиболее ценную добычу, где все вещи складывались на шкафут, чтобы потом поделить поровну между собой. Ему же как квартирмейстеру, а также капитану и боцману причиталось по одной доле дополнительно, сверх того, что положено каждому. Так было записано в пиратском договоре.

Торговые суда, плавающие в те сумбурные времена в американских и карибских водах, как правило, перевозили натуральные грузы: сахар и ром с Ямайки, табак из Каролины, дерево из Центральной Америки, мануфактуру из Европы. Другими обычными грузами были меха, руда, хлопок и негры-рабы. Корабли, перевозившие большое количество денег, попадались редко, при этом они всегда имели надежную охрану из одного или двух военных фрегатов.

Груз, находящийся на борту «Серебряного лебедя», лен, пенька и партия хлопчатобумажных тканей, особого интереса не вызывал, хотя его решено было продать, а вот в корабельном сейфе, стоявшем в каюте капитана, обнаружилась небольшая шкатулка с дорогими украшениями и увесистый мешочек, в котором позвякивали монеты. Среди пассажиров нашлись те, кто наивно полагал, что можно купить свободу в обмен на золото. Этих счастливцев, возвращавшихся домой из Европы с туго набитыми кошельками, было человек десять. Пираты проявили истинное благородство. Их не убили сразу, а позволили спуститься в свои каюты и заперли там, чтобы утопить вместе с кораблем.

Незавидная доля оказаться добычей кровожадного капитана Ретта, расправлявшегося со своими пленниками с невиданной жестокостью. Сухопутные пассажиры были для пиратов обузой, но совсем иное дело – моряки.

Корсарами в те времена зачастую становились и не по доброй воле. В морских разбойников превращались обычные моряки, после того, как их корабль был захвачен. Пираты, у которых была постоянная нехватка хороших моряков, как правило, к членам экипажа захваченного судна относились с должным уважением, хотя, надо признать, весьма корыстным, и предоставляли пленным морякам возможность присоединиться к ним в отличие от простых пассажиров, которых или убивали, или высаживали на берег. Многие знаменитые пираты начали свою преступную карьеру именно таким образом, попав в плен и подписав пиратский договор.

Собрав на палубе оставшихся в живых пленников из числа моряков, боцман Том Брэдли стал выяснять, кто из членов экипажа согласен вступить в их шайку и подписать пиратский договор. Пятеро или шестеро из них, чтобы спасти себе жизнь, согласились, их отправили на

борт «Кортеги». Тех же, кто не воспользовался столь щедрым предложением, отпускали со словами:

– Попутного ветра! Плыви, братец. Хочешь доплыть до Англии, плыви на северо-восток. – И заставляли нырять за борт.

Кровавое пиршество в бурлящей от десятков голодных зубастых тварей багряной морской воде наводило ужас даже на повидавших всякое пиратов.

Остальных пассажиров захваченного судна отвели на бак, откуда по приказу капитана Ретта отправляли обратно в Европу. Вплавь! Тех, кто сопротивлялся, с полным равнодушием выталкивали за борт.

– Попутного ветра, передай от меня привет Бристолю, – говорил он каждому.

Из толпы израненных и обезумевших от страха пленников вышел, опираясь на палку, статный седовласый старик. Старый слуга лорда Бедфорда. Стефан Уизли, так его звали. Голубые лучистые глаза его горели благородным гневом, но тем не менее он по-старомодному, с достоинством поклонился.

– Позволь поговорить с тобою с глазу на глаз, капитан? – обратился он к Ретту. – Мне хочется кое-что шепнуть тебе на ухо.

– Пощады ищешь, старый негодяй? – прохрипел Ретт. – Не тут-то было! Будь ты помоложе, может, ее заслужил бы. Отправили бы тебя в кандалах на невольничий рынок Марокаибо. А сейчас увольте, нет!

– Я стар и не боюсь смерти, капитан Ретт, – отвечал старик. – Я знаю, рано или поздно постигнет тебя участь твоих же пленников. И доведется корчиться тебе в адских мучениях, терзаясь угрызениями совести.

– Безумный старик, угомонись наконец, не то вытрясу из тебя душу!

– Не горячись, капитан, я хочу лишь рассказать то, что тебе следует знать. Вы и не подозреваете, что воистину является сокровищем на борту нашего судна.

– Вот как? Черт меня побери! Где спрятаны эти сокровища, о которых ты говоришь? Говори же, где они, не то я прикажу забить тебя розгами до полусмерти.

– Эти сокровища не рубины и алмазы и не золото, не драгоценные украшения и старинное оружие, а одна старая и тщательно оберегаемая от посторонних глаз тайна, которую может открыть тебе прекрасная девушка, молодая графиня, знатная семья которой владеет одной из самых загадочных тайн Старой Англии.

– Будь ты проклят, дрянной старик! На что мне твоя графиня и какие-то глупые басни! Мне нужно золото!

– Моя госпожа – наследница знатного рода, владеющего тайной, которая достойна твоего внимания. Разгадав ее, можно стать обладателем поистине несметных сокровищ. Таких, которые тебе не снились даже в самых сладких снах!

– Эти бредни я и слушать не хочу!

– И если ты сохранишь нам жизнь, – продолжал Уизли, – и если ты сохранишь нам жизнь, то я научу тебя, как найти, то о чем ты мечтаешь, – несметные сокровища средневековых рыцарей, Мальтийского ордена «Белый крест», количество которых потрясет воображение любого смертного. И молодая графиня – это единственный твой путь к сокровищам, а я, ее верный слуга, ключ к ним!

– Вот как? Я сброшу тебя за борт, как твоих товарищей, и акулы полакомятся тобой, если ты не расскажешь мне все!

– Ты горько пожалеешь об этом, узнав, кого ты собираешься скормить акулам!

– Да вот им-то как раз это и неинтересно знать, – рассмеялся Ретт. – Они отведают любого!

– Это длинная история, капитан, и сейчас не время говорить об этом. Но я обязательно поведаю тебе о ней на борту твоего судна. О легенде сэра Уэйна Гриффита!

– Что ты сказал? Уэйна Гриффита? – удивился Рэтт, услышав эти слова. В его сознании проносились образы и видения из далекого прошлого. Он надолго задумался. – Так ты слуга Гриффитов?

– Не совсем так, капитан! Я слуга его внучки Катарины Бедфорд, которая едет к своему отцу, лорду Бедфорду, губернатору Сент-Китса.

«Да, дела! – подумал Рэтт, скривив рот в отвратительной лукавой гримасе. – Эта парочка действительно мне может очень и очень согдиться. Даже если он врет про свои сокровища. Любопытно было бы посмотреть на дочь губернатора! Можно было бы с ней позабавиться. И порадовать Бедфордов!»

Эта мысль показалась ему столь забавной, что он от души рассмеялся.

– Хорошо, будь по-твоему, если ты не врешь, мерзавец. Я сохраню тебе жизнь! Акулы уже сыты и без тебя. За борт можешь отправиться и через пару дней, – заорал Рэтт.

– Ну, показывай, где девчонка!

Глава 4

Капитан Ретт

Увы, текущая в жилах Стивена Ретта благородная голубая кровь превратилась в черную кровь презренного негодяя.

Рэтт начал мстить. Не за свое увечье. Кровь погибших моряков взывала к отмщению! Злоба и алчность стали его путеводной звездой.

Этот полный романтики искатель приключений, был, пожалуй, одним из самых известных наплевавших на Божьи заповеди душегубов, плававших под флагом Веселого Роджера, хотя, если быть точными, Веселый Роджер появился значительно позднее, лишь в следующем столетии. А флаги его были алыми и заслужили другое прозвище – Красная Крыса.

Стивен Ретт снискал себе у испанцев славу отъявленного негодяя, но английское правительство, напротив, высоко ценило его самоотверженность и отметило его вклад в борьбе за английские владения на американских территориях.

Только чудо спасло его от петли, когда он попал в плен к испанцам. Те зверства, которые он со своими пиратами совершал при нападении на Испанскую Панаму в составе флотилии Моргана, испанцы запомнили надолго.

Но не всегда Ретт был таким страшным чудовищем, алчным и жестоким.

Молодой мелкопоместный дворянин Стивен Ретт, уроженец графства Ланкашир, с детства бредивший морем и решивший связать с ним судьбу, человек чести, движимый благими намерениями, вдохновляемый патриотизмом, в 1665 году получил от короля Чарльза II каперский патент.

Вскоре он снарядил свой первый корабль. Это была двухмачтовая шхуна «Голубая лагуна», старое неповоротливое судно, вооруженное восьмью шестифунтовыми орудиями, расположенными по четыре с каждого борта, и двумя трехфунтовыми вертлюжными пушками, на баке и на корме. Подняв на мачте британский флаг, она навсегда покинула острова Старого Света.

Команда «Голубой лагуны» была не чета нынешней! То были честные и порядочные люди, уходившие в море на борьбу с испанцами, вдохновляемые патриотизмом.

Завидев в море торговый корабль с британским флагом, они салютовали ему и провожали до ближайшего английского порта. А нападали исключительно на испанские суда. Но и с ними обходились весьма благородно, согласно кодексам морской чести. Победленное судно довольно часто отпускали, хотя и изрядно выпотрошив его. Если судно топили, то команду сажали на лодки, снабжая водой и провизией, ружьями, порохом и пулями, и отправляли до ближайшего острова.

Команда «Голубой лагуны» активно участвовала в походах самого Генри Моргана. В 1670 году Морган собирает под свое командование 500 пиратов с Тортуги и 1000 пиратов с Ямайки, чтобы совершить нападения на испанские колонии Санта-Марту, Рио-де-Жанейро, Де Ла Хача, Пуэрто Белло и Панаму. Стивен Ретт, которого Морган высоко ценил за смелость и живой подвижный ум, был его соратником в этом походе.

Там он, захватив у врага небольшую трехмачтовую шхуну, становится владельцем двух судов.

За эти походы Морган получает благодарственное письмо от губернатора Ямайки. Но за это же в мае 1671 года Морган оказывается в Тауэре. Посажен он был ненадолго и, как оказалось, исключительно из политических соображений. Дело в том, что Англия заключила мирный договор с Испанией, и поэтому король Чарльз заключил его в темницу, чтобы показать

свои намерения испанцам. Но более всего удивительным был приговор, вынесенный Моргану королевским судом! О нем мы обязательно расскажем позже.

Многие пираты из армии Моргана, получив каперские свидетельства от губернаторов Ямайки и Санто-Доминго, отправились громить испанские галеоны, остальные же разбрелись по всему Карибскому морю.

Однажды в районе Коромандельских островов корабли Ретта напоролись на испанский военный корабль. В этом бою Ретт и потерял свою правую ногу.

А дело было вот как.

В ту пору, когда Франция и Англия пытались обуздать непомерную мощь Испании, генерал-губернатор французских Антильских островов Жан Чарльз Баас готовил нападение в июне 1675 года на Кюрасао.

Договорившись с несколькими пиратскими капитанами об участии в этой экспедиции, он во многом полагался на помощь со стороны небольшой флотилии Ретта, которая базировалась на Тортуге.

Молодой английский дворянин Стивен Ретт, так его звали, был капитаном трехмачтовой шхуны «Голубая лагуна». Вторым судном, двухмачтовой шхуной «Нимфа», командовал англичанин – сэр Пол Томсон.

Но помощь из Тортуги не смогла прибыть вовремя, так как пиратские корабли попали в жесточайший шторм у берегов Санто-Доминго и затем были атакованы испанцами. Два испанских фрегата из конвоя, сопровождающего галеоны, везущие золото в Старый Свет, завидев британские флаги на мачтах судов Ретта, внезапно атаковали его корабли. «Нимфа» со всем экипажем была уничтожена в первой же схватке. Сорокапушечный фрегат расстрелял ее в упор, и она затонула недалеко от южного побережья Пуэрто-Рико.

«Голубая лагуна» выходила из бухты в южной части острова. Завидев испанский военный фрегат, она попыталась лечь на другой галс и уйти от него, скрывшись за островом, но ветра практически не было, паруса, потрепанные штормом и еще не отремонтированные, обвисли, и судно фактически дрейфовало под слабым бейдевиндом.

Испанский фрегат со всего маху налетел на «Голубую лагуну». Ретт в этот момент наводил заряженное шестифунтовое орудие правого борта, чтобы выстрелить в испанский корабль.

Запалив зажженным пальником запальное отверстие, и чтобы не быть оглушенным выстрелом, он отклонил голову от жерла пушки. Выстрел прогремел одновременно с ударом испанского фрегата о борт «Голубой лагуны». От удара корабля Ретт упал под орудие. Орудийный лафет, не выдержавший удара, треснул, ослабив крепление цапфенной накладки, прижимавшей цапфу ствола. Тяжеленный, весом не менее двух тысяч фунтов ствол, сорвавшись со своего места, придавил Ретту правую ногу.

Голень оказалось раздробленной полностью. Началась гангрена. Судовой врач Лайман Мэкдок, весьма опытный, в свое время бывший хирургом в больнице Кесуик, принял решение оперировать. Ничего не оставалось делать, как ампутировать ногу по колено. Стивена Ретта до беспамятства напоили ромом, шкотами привязали к дубовому столу, и судовой плотник Гарри Хьюмен пилой, предварительно вымоченной в роме, отпилил ему голень. Лайман Мэкдок тщательно обработал и зашил рану. Еще около месяца Ретт был в беспамятстве. В бреду метался, привязанный к койке в своей каюте. Думали, что ему конец. Но как-то однажды он пришел в себя, попросил воды. Через несколько дней стал выбираться на палубу. Его выносили в кресле, и он там сидел часами с бутылкой рома, сетуя на злую судьбу. Вскоре плотник Гарри Хьюмен сделал ему новую деревянную ногу из куска мачты. И теперь Ретт каждый день ковылял по палубе, опираясь на мушкет вместо костыля, пытаясь научиться ходить. Свежий морской воздух вскоре вернул его в нормальное состояние.

Большая половина экипажа «Голубой лагуны» была перебита, остальные пребывали в состоянии уныния. Проведя собрание, моряки приняли манифест, согласно которому все они

покаялись стать безжалостными морскими разбойниками и раз и навсегда сняли с грот-мачты британский флаг.

В море, определив флаг корабля, можно было определить его государственную принадлежность, после чего становилось понятным, кто это – друг или враг. Однако определить корабль противника в море всегда было трудной задачей.

В XVI веке королевские корабли обычно несли опознавательные знаки на главных парусах (английские корабли – розу Тюдоров, испанские корабли – католический крест). Но правительственные корабли обычно действовали в составе эскадр или флотов. Начиная с позднего Средневековья для указания на свою принадлежность стали использоваться флаги. На протяжении XVII—XVIII вв. государственная символика стабилизировалась, и были изданы альбомы, в которых изображались все действующие на этот момент флаги.

Но флаг не давал полной гарантии. Пираты и каперы, а случалось, что и военные корабли, часто поднимали чужие государственные флаги, чтобы иметь возможность, обманув бдительность противника, спокойно приблизиться к нему. Сблизившись с противником, корабль поднимал свой настоящий флаг, что по морским законам того времени давало основания начать бой. Поэтому наиболее разумным подходом было считать все встречающиеся на пути корабли вражескими, особенно во время войны.

Поскольку над судном каперов развевался государственный флаг той страны, которая выдала им каперский патент, а корабли без национального флага считались пиратскими, это иногда вызывало путаницу и непонимание со стороны их противников, то каперы кроме государственного флага стали поднимать дополнительные символы, указывающие на их каперскую деятельность. Флаги использовались и для того, чтобы запугать противника.

Черный пиратский флаг был своего рода психологическим оружием, особенно эффективным в сочетании с репутацией, которую вскоре приобрели пираты. Черное полотнище, которое поднимали каперы в том случае, если жертва пыталась оказать сопротивление. Поднятие этого флага означало, что в случае сопротивления никакой пощады противнику не будет.

Представьте себе, плывете вы по теплему южному морю, а навстречу баркентина с черным флагом, а на нем череп – символ смерти, который часто изображался вместе со скрещенными костями. Те самые символы, какие часто изображались на надгробьях в христианских странах. Довольно зловеще!

Хотя, по правде сказать, пираты зачастую пользовались флагами, на которых рисовали все, что им вздумается, так что получалось черт знает что! Что и было особенно эффектно и весьма оригинально! Так, у Генри Моргана на флагах были скелеты и песочные часы, Бартоломью Робертс поднимал флаг, на котором изображался пират, стоящий на двух черепах, капитан Кидд любил рисовать на своих флагах кинжалы, пистолеты, крылья и поднятые стаканы, флаги на мачтах шхун Флинта были разрисованы более романтично: сердечки, скрещенные копыя, шпаги и мечи. Сходство их было лишь в одном. Все флаги были черные.

Но капитан Стивен Ретт поднял над своим судном красный флаг. Зловещий кроваво-красный флаг, на котором были нарисованы две безобразные черные крысы с отвратительными злобными мордами в треуголках и с абордажными саблями в лапах, стал развеваться на клотике грот-мачты «Голубой лагуны».

Этот красный флаг наводил такой ужас на испанцев, что английское Адмиралтейство издало закон, обязывающий английских каперов, всех без исключения, поднимать красный флаг, получивший прозвище Ред Джек («Красный Джек»), иногда его называли Ред Рет («Красная Крыса»).

Красный флаг Ретта часто изображался художниками и на морских полотнах, и хотя описание этого флага не указано, было ясно, что это знак предупреждения, – пираты призывали противника не оказывать сопротивления, если пиратам удавалось запугать команду корабля противника до такой степени, что она капитулировала без боя, это значительно упрощало дело

и увеличивало прибыль, так как корабль противника и его груз оставался в целости и сохранности, а у нападавших не было повода уничтожить команду.

Цвет его флага оказался пророческим. Пролитая кровь, окрасившая флаг Ретта, требовала новых и новых жертв. Этот красный флаг обладал поистине мистическими свойствами, наводя на всех такой ужас! Сначала на Карибы. Через два столетия, перебравшись через океан, попав в другие страны, красный флаг стал наводить ужас на Европу. Везде, где он появлялся, он нес смерть и разрушения! Он постоянно требовал свежей крови, он требовал новых жертв. В конце концов, красный флаг получил их сполна!

Когда на клотике грот-мачты «Голубой лагуны» вместо британского взвился совершенно иной флаг зловещего кроваво-красного цвета с парочкой омерзительных черных крыс, с противными злобными мордами в треуголках, причем при малейшем дуновении ветерка те начинали размахивать своими здоровенными саблями, клацать зубами и безобразно подмигивать, становилось ясно, что пощады от этого судна ждать нельзя!

Ретт начал мстить. Не за свое увечье. Кровь погибших моряков взывала к отмщению! Злоба и алчность стали его путеводной звездой.

Увы, текущая в жилах Стивена Ретта благородная голубая кровь, растворившись в выпитом им роме, выродилась, превратившись в черную кровь презренного негодяя.

Добычей Стивена Ретта становилось любое судно, не успевшее спастись бегством от пирата. Будь то занимавшиеся своим промыслом рыболовные карбасы из Новой Англии или тяжелые грузовые суда с побережья Испанского Гондураса с трюмом, набитым табаком и сахаром. Завидев вдалеке его паруса и чувствуя надвигающуюся опасность, они становились похожими на стаю мартышек, напуганных громким ревом леопарда в вечерних сумерках и разбегающихся в панике, чтобы найти убежище в густой кроне дерева.

Красный флаг вновь трепыхался на клотике грот-мачты, а ленты – на фок- и бизань-мачтах, и это означало, что жестокое чудовище по прозвищу Ретт вновь ведет свою кровавую охоту. Обычно ленты, развевавшиеся над парусами, показывали морякам направление ветра. Но эти наводили такой ужас на встречные суда, что китобойные куттеры и торговые шхуны, завидя их над изумрудной гладью Карибского моря, разлетались в разные стороны, как стайка испуганной кефали, завидевшей темный силуэт тигровой акулы, тихо выходящий из темени прибрежных скал.

Какие-то из судов предпочитали прокладывать свои маршруты вблизи побережья, готовые в любую минуту укрыться в тихой бухточке, другие же шли в обход обычных, известных каждому моряку торговых путей, в надежде не встретиться с разбойником. Но все они чувствовали облегчение только тогда, когда их судно входило на территорию какого-нибудь порта и находилось под защитой крепостной артиллерии, расположенной на высоких стенах какого-либо форта.

Глава 5

Испанская крыса

Когда в конце XVII в. европейскими государствами был принят ряд законов, направленных против пиратов, первыми развернули войну с буканьерами англичане, и вскоре несколько наиболее активных пиратов было повешено за нападения на голландские и испанские суда.

Тем временем французские корсары стали все чаще нападать на ямайские табачные плантации, поскольку нападения на испанцев уже не приносили значительной выгоды. В результате Англия отправила в Париж раздраженную ноту протеста, так как все большее количество кораблей различных стран подвергалось нападениям пиратов с французскими корсарскими патентами. В результате генерал-губернатор французских колоний, под чьим формальным руководством находились французские корсары, был вынужден также начать борьбу с пиратами.

Между Францией и Испанией было подписано Ратисбонское соглашение. В нем оговаривались условия совместной борьбы с пиратами. Новый губернатор Тортуги начал борьбу с пиратами. И начал ее вести самым подлым образом. Разослав всем пиратским капитанам приглашения на прием, устроенный в его честь, он собрал их в своей резиденции и перерезал как овец. А их корабли были захвачены прямо на рейде. Корабли Ретта были в это время в районе Кюрасао и поэтому избежали ловушки, а то, будучи большим любителем подобных застолий, он непременно угодил бы в западню. После этого случая с Тортуги исчезают последние корсары и буканьеры. Часть из них стала вести законопослушный образ жизни, остальные же хоть и не бросили заниматься морским разбоем, но навсегда покинули Тортугу и разбрелись по разным островам Карибского архипелага. Многие осели на Санто-Доминго.

Впоследствии буканьеры оказались вне закона и подняли восстание. Часть пиратов, в числе коих был и капитан Ретт, предпочла перейти на службу к Тарену Де Кюсси, губернатору на Санто-Доминго, и с их помощью восстание было подавлено.

С этим Тарену Де Кюсси, губернатором Санто-Доминго, и связана одна пренеприятнейшая, но любопытная история. История про крыс!

Ранним утром квартирмейстер Лайонел Скотт вошел в просторную каюту капитана и сел в самом дальнем углу. Сразу стало понятно, что дело будет жаркое. Заседание было окутано завесой таинственности. Собрал Ретт только своих старых товарищей, возможно, не самых умных, но лишь тех, кому он мог доверять. Хотя по большому счету капитан не доверял никому! Но что это было за дело, никто пока не знал!

В каюте капитана уже сидели боцман Том Брэдли, канонир Мелтон Уоррен, врач Рей Моррис, шкипер Эрни Уилсон, Израел Пирс, Слим Крейг и Бен Селдон.

Все в напряжении ждали капитана, который влетел в помещение словно маленький ураган торнадо и заорал:

– Все собрались? Дело весьма важное и срочное. Я собрал вас, чтобы проинформировать о том, что у нас на корабле завелась крыса!

– Как крыса? Почему крыса? Где крыса? Лови крысу! – завопил Слим Крейг и даже заглянул под стол. Он наклонился. На шее и спине была странная татуировка – красно-зеленый дракон с огромными крыльями. Пираты тем временем продолжали веселиться.

– Эка новость! Да у нас в трюме полно крыс! – загоготал Бен Селдон.

– Вы идиоты! – не понижая голоса, вещал Ретт. – Собирайтесь болванов. Крейг! – Темноволосый пират в бриджах вздрогнул и поднял голову, пытаясь вылезти из-под стола:

– Чего?

– Да, да огромная двуногая испанская крыса, – продолжал Ретт, не обращая внимания на глупые острооты двух шутников. – Та, которая продает испанцам все наши секреты, наушничает губернатору, выдает все наши тайны, рассказывает про походы. Вы же знаете, что после каж-

дого похода мы платим губернатору его долю, но, конечно, не все! Так вот, он знает, сколько кораблей мы захватили во время последнего похода, он знает, сколько товара мы привезли и какую сумму выручили за него!

– Не может быть! У нас появились предатели?

– Да, мы отдаем не все. Нет, мы, конечно, отдаем его долю, но в разумных пределах! Ему и так слишком много выходит, – продолжал капитан. – А самое главное – он знает про наше тайное хранилище, он знает про сокровища. Там, на острове!

– Ну вот, – сказал себе под нос темноволосый пират в бриджах, плюхнувшись на рундук возле окна. – Добро пожаловать на Санто-Доминго, ложь, заговоры, предательство и пытки.

– Хорош гундеть, – бушевал Ретт. – Кто у нас писал про золотой галеон? А?!

– Я, – снова подал голос пират в отвратительных штанах.

– Слим Крейг! – ласково протянул Ретт. – Ты? Молодец! Сам придумал или кто помог состряпать сей гнусный пасквиль?

– Не понял? – насторожился Слим Крейг. – Твое указание составить отчет и отослать губернатору!

– Да, но писать-то надо с умом, – начал багроветь Ретт.

– А что тебе не нравится, что с ошибками написано? – огрызнулся тот. – Я грамоте не учился. И вообще я ни при чем!

Ретт всплеснул руками, так, что крюком ударил себя по ноге, и негромко взвизгнул:

– Поглядите-ка! Ни при чем! Ну и ну! Кто бы мог подумать! Слушайте, внимание! Читаю фразу из письма Тарену Де Кюсси, губернатору Санто-Доминго, в Париж: «...целый трюм виргинского табака, ямайского рома... двадцать тысяч золотых дублонов, артиллерийские орудия... очутились на дне залива... захваченные пиратами Ретта суда “Сан Педро”, “Луана”, “Викторино” разграблены и потоплены...».

– Наш Слим Крейг наваял послание губернатору Де Кюсси, называется «Золотой галеон, как мы его потопили», – сострил Селдон. По каюте пробежал недобрый смешок.

– Да, – взвизгнул другой в рваных панталонах, натянутых на толстые кривые ножки, – у нас теперь есть козел отпущения! Эй, Крейг, попроси у своих французов прислать мешок-другой табака на наше судно. Пусть сплывают, может, достанут!

Пираты заржали.

– Дураки, – топнул темноволосый пират в бриджах. – Идиоты! Не о том корабле речь!

– Заткнитесь! – легко переорал всех Ретт. – Никто не потрудился в письме пояснить, что речь идет о новой партии, захваченной нами, мануфактуры для колоний в Сан-Доминго.

– Крейг, сядь, – темноволосый пират в бриджах, шлепнулся на стул и исподлобья посмотрел на Бенна, тот глупо улыбнулся ему, затем фыркнул и отвернулся.

– И чего? – возмутился пират. – Губернатор Тарену Де Кюсси в восторге от этого, мы уничтожили испанский конвой!

– Зачитываю, – перекричал его Ретт. – «...послание было составлено личным секретарем губернатора»!

Слим Крейг тихо гнусаво захихикал, Ретт нахмурился:

– Тишина! Ладно, пусть будет губернатор, никто не против, но дальше-то совсем плохо! «..Груз пропал, и виноват в этом экипаж “Кортеги”!»

– А что здесь не так? – удивился Слим Крейг. – Как погрузили, так и получили.

– «Двадцать орудийных стволов», – продолжал Ретт.

– Веще-то верно, – подал голос Слим Крейг. – От них, французов, одна головная боль.

– Все двадцать – утонули, – выругался Ретт, начав кашлять, пытаясь замаскировать рвущийся наружу гнев.

– Мерзавцы, – пошел вразнос Ретт. – Двадцать оружейных стволов! А вы, скунсы вонючие! Каким образом в письмо, составленное личным секретарем губернатора, попали эти сведения? Как они узнают о наших планах? Кто писал про пушки, снятые с «Сан-Педро»?

– Это не мы, капитан, мы про пушки не писали. Да! Ваше ни слова. Это шпионы ихние, – завопил Слим Крейг.

Ретт встал, подошел к шкафу, взял оттуда сверток, затем сел на свое место и, развернув на столе карту, ткнул кинжалом в середину ее.

– Что видим?

– Карибский бассейн, – затараторил Пирс, – Испанский Гондурас, надо строить планы нападения. Эта тема нам по вкусу.

– Не о том речь! Смотрим южнее! – перебил некстати разболтавшегося Ретт. – На этих картах показана схема передвижения испанского каравана. Я слышал рассказ матроса про его отправление, который так набрался в таверне, что все разболтал спьяну, стоит, дрянь такая, и болтает, и болтает. Есть идея? Кто-нибудь придумает что-то?

– Я думаю, нам надо разработать два плана нападения, один хороший и разумный, а второй заведомо провальный, – решил высказать свои соображения квартирмейстер.

– Хорошая идея, два плана! А плохой доведем до остальной команды и выследим предателя!

– Надо это дело проверить и обмозговать, – загундел Пирс. – С кондачка не выгорит! Жаль, нет людей своих у испанцев. Я за эти сведения много бы отдал!

– Ты губы-то не раскатывай! Что у тебя на шее висит? – спросил Ретт.

– Где? – удивился Пирс. – Ничего нет!

– Смотри внимательнее?

– Не вижу!

– Петля у тебя на шее, не чувствуешь? – уточнил Ретт.

– Ну... нет пока! – признался Пирс. – Там, скорей всего, платок шейный!

– Ошибаешься, друг мой, – сладким, как мед, голосом пролепетал Ретт. – Ты, Пирс, беззащитное существо, поверженное жестоким испанским королем в бездну, и стоишь ты около виселицы, а на шее у тебя табличка с надписью «Пират».

Скотт заморгал, в кабинете установилась звенящая тишина, потом откуда-то слева раздался жизнерадостный возглас:

– Ой, сейчас подохну! – и следом залихватистый смех. – Я все понял!

– Эт-та кто у нас такой веселый? – завертел головой Ретт. – Никак Пирс, лучший фехтовальщик всего побережья! И что ты надумал?

– Я глупости не говорю, – загнусил тот, – только саблей или шпагой! Не придерешься.

– Шпагой махать думать не надо! – прошипел Ретт. – Вот! Посмотрите все, что я приготовил вам на десерт!

– Что это?

– Сейчас разьясню, – радовался Ретт. – У меня тут в кармане маленькая коробочка, там сладкая конфетка. Кому-то из вас придется ее съесть.

Все присутствующие мигом обернулись. Он живо вытащил жестяную коробочку и положил на стоявший рядом небольшой резной столик, хотя на самом деле внутри ничего не было. Пока!

– Что это, капитан?

В каюте воцарилась мертвая тишина. Присутствующие побледнели. Всем стало не по себе. Ретт как ни в чем не бывало продолжал:

– Это лакомство я приготовил тому, у кого очень длинный язык!

– Да, – очнулся Скотт. – Страсти-то какие! Но среди нас нет предателя!

– Верю. Среди вас – может быть, а как остальная команда?

- А как мы найдем предателя?
- Будем думать! А теперь, Скотт, отправляйтесь в город и привезите мне аптекаря.
- Уже темнеет, капитан!
- Тогда завтра с утра!

Неделя минула с того разговора. Однажды поздно вечером Ретт как всегда пьянствовал в своей каюте с друзьями. В грязной и запущенной, но с остатками былой роскоши комнате, тускло освещаемой огарком свечи, сидели четыре человека, резались в пикет и курили трубки, отчего в каюте клубился густой табачный дым. Игра сопровождалась крепкой непристойной бранью. Вдруг в дверь постучали, сначала тихо, затем настойчивее.

- Ну, кто там, заходи! – рявкнул хозяин каюты.
- Дверь открылась. На пороге стоял молодой человек.

– Капитан, нам надо поговорить.

– Что тебе надо?

– Мне надо поговорить с вами, сэр.

– Да говори, не тяни!

– Капитан, – начал юноша. – Четверть часа назад я вышел на палубу, вдруг услышал тихий плеск, но не плеск, обычный для набегающей волны, а плеск лодочных весел. Подойдя, увидел лодку, которая стояла около якорного каната, из нее доносился приглушенный разговор. Мне стало любопытно, и я прислушался. То, что я там услышал, мне показалось важным, речь шла о наших планах нападения на испанский караван. Еще там говорили об оплате за какое-то письмо, за письмо с планами и картами. Да! Самое-то главное, они договорились встретиться через два дня на берегу.

– А где состоится встреча?

– В «Руке короля», ровно в полдень!

– Молодец, Малыш! Похвально, похвально!

– Ну, что скажете, недоумки!

– А у нас появился крысолов! – захихикал Слим Крейг.

– Не вздумайте прилепить ему это прозвище. – прошипел капитан. – Пусть все зовут его, как и прежде, – Малыш! Да, и никому ни слова, ни-ни!

– Да Малышом-то он был, когда был юнгой, сколько времени-то уж прошло!

– Неважно! У каждого свое прозвище! Вы же прозываетесь утками!

– Ну почему утками! Мы хотим что-нибудь помужественнее. Ну, скажем, тиграми, – засопел Бенн Селдон.

– Да потому что болтливые и крикливые не в меру! Особенно Слим Крейг. А ты, Джон, – продолжил Ретт, – видел, кто там был?

– Только со спины, сэр! Но по спине я уверен, что узнаю! Серебристо-серый с лиловым отливом плащ! Серая морская треуголка. Когда он поднялся на борт, то, увидев меня, сразу же растворился во тьме. Я думаю, прыгнул в кубрик.

– Вот что мы сделаем, Слим и Бенн, возьмите фонарь, спуститесь в кубрик, пошерстите там, даже если не найдете, пусть он знает, что мы ищем его и спуска впрямь не дадим!

В каюте Ретта сильно пахло ромом. Вероятно, он пропьянствовал всю ночь, обдумывая сложившуюся ситуацию, а спать так и не ложился.

– Хочешь рома? – спросил он аптекаря, которого с утра привезли на судно.

– Нет, спасибо, – ответил он, – день только начался, а мне надо работать, да к тому же с утра вовсе как бы и не хочется.

– Бенн, давай выпьем. Может, все-таки хлебнешь?

Последняя часть фразы адресовалась аптекарю.

– Нет, спасибо, – не поддался он.

– Давай, не стесняйся, – продолжал Ретт, доставая из шкафа пузатые кружки и бутылку благородного напитка, – по чуть-чуть, для тонуса.

– Простите, но на службе я предпочитаю сохранять трезвую голову, – решительно отказался аптекарь.

– Садись, Слим – велел Ретт. – Выпьешь с нами. Таблетки принес?

– Да, сэр. – Аптекарь протянул Ретту самую обычную с виду конфету.

– Классная штука, – кивнул Гарри, аптекарь с Санто-Доминго, – проглотил ее, чик-чирик, и душа вылетела вон, а кому это?

– Неважно, – ощущая себя от такого нахального, заданного в лоб вопроса полнейшим идиотом, ответил Ретт. – Главное, что есть десерт, а кому это съесть, мы решим позднее. Вообще-то это для крысы!

– Для крысы? – удивился аптекарь. – Ну, для крыс это уж слишком!

Слим и Бенн засмеялись.

– Рассчитайтесь с ним и увезите на берег! – приказал Ретт.

– Джон, тебя не докричатся! – буркнул Ретт, едва тот вошел в капитанскую каюту. – Вот список всех подозреваемых!

– Довольно внушительный, но он, похоже, уже не нужен.

– Ты нашел мерзавца?

– Пока не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, съезжу к трем часам на одну встречу и там, быть может, все выясню. Кстати, мне бы очень хотелось получить во временное пользование лодку с гребцами и пусть они ждут меня на берегу.

– Без проблем, – легко согласился Ретт. – Сейчас отдам приказания!

Таверна «Рука короля» в которой изменнику предстояло получить тридцать сребреников, была переполнена моряками. Джон Саймон с огромным трудом отыскал столик и еле втиснулся на стул. В целях экономии места мебель тут стояла так тесно, что посетители сидели буквально друг на друге.

– Что желаете? – равнодушно поинтересовалась официантка.

– Чай с горячим молоком и ромом, – попросил Джон Саймон.

– У нас сегодня холодное.

– Давайте, – согласился Джон Саймон.

Официантка испарилась, а он стал изучать посетителей. Неожиданно в дверях показалась знакомая фигура в плаще, но плащ был черный! «Испанская крыса», – подумал Джон. Незнакомец, которого он, как ему казалось, никогда не видел, в наброшенном на плечи плаще, на нос водрузил треуголку, но темно-каштановые блестящие волосы были не прикрыты, а его крупная фигура привлекала к себе внимание.

Ловко лавируя между столиками, незнакомец приблизился к столику, тому, что стоял в углу, закрываемый шкафом.

Джон Саймон, осторожно надвинув на глаза треуголку, начал смотреть.

Вот он присаживается, достает из кармана пакет, передает в руки другого человека, которого не было видно. Вот берет серый сверток. Вот открывает его и заглядывает внутрь.

– Эх, жаль, не видно того, кто принес гонорар, – сокрушался Джон, что его закрывает шкаф и вешалка с плащами и куртками.

– Молодой человек, – закричала другая служанка, – вам чего поднести? А, Джон, – обрадовалась она. – Чего скучаешь?

– Жду чай, – ответил Джон Саймон.

– А девочек не желаешь?

– Каких? – чтобы поддержать разговор, спросил он, посматривая на предателя, который о чем-то беседовал с невидимым ему человеком. Таинственная личность отлично спряталась, рассмотреть его было невозможно.

Вдруг Джона осенила блестящая идея. Он подошел к крикливой официантке, которую он хорошо знал:

– У вас здесь работают карманники?

– А зачем тебе это, Джон?

– Это нужно не мне, а Ретту.

– Ну, вообще-то у нас не принято это! Придет какой-нибудь клиент с деньгами, поскандалит, напьется, так его наши девушки сами же попытаются охмурить и вытащить все его денежки. Вот почему посторонним вора и карманникам работать здесь нельзя, наши девушки сами хотят подзаработать.

– Позови мне какую-нибудь девушку с ловкими пальчиками.

– Вот Сара, к примеру, поговори с ней, а я пошла работать. Сара, помоги моему приятелю, он из команды Ретта, – обратилась официантка к одной неприятной на вид девице.

– Да ну! Того самого Ретта? Этого, с одной ногой и с железным крюком, на который он насаживает живьем своих врагов?

– Да, я с его корабля, – смутился Джон. – Милаша, вот там за вешалкой в сером плаще человек! Будь добра, достань у него из карманов и из сумки все, что можешь вынуть. Деньги твои, остальное, письма там, бумаги, вещи отдашь мне! Ну а мы тебя отблагодарим, если поможешь, конечно. И, мне кажется, тебе лучше работать не одной, а взять еще пару девочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.